

Дмитрий Мережковский

Будет радость

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Будет радость

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175048*

Аннотация

«Старинная усадьба Александровских времен, близ уездного городка. Терраса с колоннами. Сад. Внизу река. За нею монастырь и фабрика. Вечер...»

Содержание

Действие первое	5
I	6
II	8
III	9
IV	12
V	14
VI	21
VII	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Будет радость

пьеса в четырех действиях

Действующие лица:

Иван Сергеевич Краснокутский, земский деятель, 56 лет.

Федор Иванович, студент-медик, 28 лет.

Григорий Иванович, студент-математик, 23 лет.

Федор и Григорий – сыновья Ивана Сергеевича от первого брака.

Татьяна Алексеевна, вторая жена Ивана Сергеевича, 29 лет.

Катя, курсистка, 25 лет.

Домна Родионовна, мать первой жены Ивана Сергеевича, 79 лет, почти слепая.

Пелагея, послушница, 24 лет.

Мавра Кузьминишна, старая няня.

Действие происходит в наши дни в России.

Действие первое

Старинная усадьба Александровских времен, близ уездного городка. Терраса с колоннами. Сад. Внизу река. За нею монастырь и фабрика. Вечер.

I

Домна Родионовна и Пелагея. Пелагея ведет Домну Родионовну за руку и усаживает на скамейку.

Домна Родионовна. В обители благовест,¹ что ли?

Пелагея. В обители, матушка. Служба нынче с полиелеем² да кондаками³ Владычными.

Голоса *(на дороге, за забором сада, поют под гармоники).*

У нас ножички точеные.

Гири кованные.

Мы ребята удалые.

Практикованные...

Домна Родионовна. Вишь, черти, горло дерут. Слободские, что ли?

Пелагея. Слободские, матушка, фабричные. С бабами да с девками, из кабака в кабак шляются. Пьяным-пьяно!

Домна Родионовна. Тьфу, окаянные! Люди в церковь, а они в кабак.

Голоса.

¹ Благовест – звон колокола, извещающий о начале богослужения.

² одна из составных частей воскресной или праздничной заутрени, состоящая из пения стихов псалмов 134 и 135.

³ короткое православное праздничное песнопение

Мы урядника убили,
Станового бить идем.
Вся полиция знакома.
Губернатор нипочем...

Пелагея. Озорники, охульники! Вот нынче леса-то в уезде горят: все они, слышь. Того и гляди, весь город спалят. Одно слово – революционеры!.. Ох-ох, матушка, анафема веку сему... О летунах-то этих намедни старец повествовал...

Домна Родионовна. О каких летунах?

Пелагея. Да вот, что на машинах-то – как их, еропланах; что ли, – летают по воздуху. У святых отцов писано: превознесется сын погибели, человек беззакония паче всех глаголемых властей и прельстит народы чудесами ложными – возьмет крыле и взыдет на небо. А Господь поразит его, змия древнего, убьет духом уст Своих.⁴ Ну, а там и кончина веку сему, светопреставление... А вот и Гришенька...

Домна Родионовна. Какой Гришенька?

Пелагея. Виновата, матушка, Григорий Иванович.

Домна Родионовна. Ну, то-то же, смотри у меня, востроглазая!

⁴ П послание к Фессалоникийцам (II, 3–8).

II

Домна Родионовна, Пелагея и Гриша.

Домна Родионовна. К старцу ходил, Гришенька?

Гриша (*целуя руку Домны Родионовны*). Да, от него, бабушка.

Домна Родионовна. Ну, что, как?.. Ступай, Пелагея. Подожди внизу, у калитки. Да смотри, егоза, не подслушивай.

Пелагея. Что вы, матушка! Разве я когда?.. Обижать изволите...

Домна Родионовна. Ну, ладно, ступай.

III

Домна Родионовна и Гриша.

Домна Родионовна. Что же старец?

Гриша. Вас, бабушка, слушаться велел во всем.

Домна Родионовна. Во всем? Так и сказал?

Гриша. Да. И если что против совести казаться будет, то все-таки...

Домна Родионовна. Видишь, Гришенька. Ну, так как же, миленький, о чем говорили-то намерен, сделаешь?.

Гриша. Сделаю, если велите, то сделаю. Но трудно мне, бабушка, если бы вы знали, как трудно...

Домна Родионовна. Знаю, родимый. Послушания подвиг труднее всего. А ты и потрудишься для Бога-то: что труднее, то Богу угоднее.

Гриша. Бабушка, да, ведь, грех-то какой! Воровство, подлость, предательство... и против кого же?..

Домна Родионовна. Жаль стало брата?

Гриша. Жаль? Нет... Вы же знаете: не люблю я его, враг он мне. Да, ведь, то-то и подло, что враг: с другом подло, а с врагом еще подлее.

Домна Родионовна. Ну, спасибо на добром слове, внучек. Кто же тебя на подлость подбивает? Мы со старцем что ли?

Гриша. Не сердитесь, бабушка, милая. Не к тому я сказал...

Домна Родионовна. Да ты, брат, не виляй, не отлынивай. Говори прямо: не хочешь? Не сделаешь?

Гриша. Сделаю. Как сказал, так и сделаю.

Домна Родионовна. Обещаешься?

Гриша. Обещаюсь.

Домна Родионовна. Ну, смотри же, помни. (*После молчания*). А я Пелагее скажу: девка проворная, на все руки мастер, да положиться нельзя – шельма. Ты за нею посмотривай. Ключ достал ли?

Гриша. Достану. У няни есть другой от того же замка.

Домна Родионовна. А письма где, знаешь?

Гриша. Знаю. Когда переносили вещи в павильон из дому, я с братом бумаги укладывал.

Домна Родионовна. Ну, значит, ладно все. Спасибо, Гришенька. А насчет греха, не испытай, смирись. Старец лучше нашего знает. Бывает и грех во спасенье. Тут премудрость Божия тайная. Старцу-то веришь?

Гриша. Верю. Вам да ему только и верю. Только вас двое и есть у меня... Ох, бабушка, милая; скорее бы к вам совсем уйти от них! Измучился я, устал, не могу больше...

Домна Родионовна. Небось, миленький, теперь уж недолго. Это тебе испытание последнее: как совершишь, одолеешь, – так и уйдешь от них. Вместе уйдем. «Изыдите,

изыдите, люди Мои, из Вавилона».⁵ Уйдем от безбожников. В ущелиях да пропасть земных скрываться будем, а им не дадимся... Смотри же, блюди себя, внучек, от соблазна их-него, от премудрости дьявольской. Премудрые, ученые, «образованные»! Вон ведь и ты все книжки читаешь, в университете учишься, по стихиям мира сего ищешь премудрости. А мы люди простые, темные. Может, и тебе не пара?

Гриша. Нет сего бабушка, этого не бойтесь сего – чего другого сего только не этого. Я же знаю их, вижу насквозь: пустое все у них, гнилое, трухлявое. Вот как волчья яма: сверху покрыто, а ступишь ногой и провалишься.

Домна Родионовна. У нас-то покрепче?

Гриша. Да. крепкое у вас, крепкое, вечное! Оттого к вам и иду.

Домна Родионовна. Так будешь с нами?

Гриша. С вами, бабушка, с вами на веки веков.

Домна Родионовна. Аминь! (*Встает и кладет ему руки на голову*). Спаси тебя Господи! Заступи, помилуй Матерь Пречистая! (*После молчания*). Ну, ступай. Гришенька, а то как бы не увидел кто. Скличь-ка Пелагеюшку.

Гриша. Пелагея, Пелагея Савишна!

Пелагея выходит из-за кустов, – видно, что подслушивала, – уводит Домну Родионовну. Иван Сергеевич идет из сада. Мавра накрывает на террасе стол к чаю.

⁵ Неточная цитата из Откровения Иоанна Богослова (XVIII, 4).

IV

Иван Сергеевич и Гриша.

Иван Сергеевич. А, Гриша, здравствуй. Мы ведь с тобой сегодня не видались. Опять у старца весь день?.. А это что у тебя? (*Берет у Гриши книгу*). *Pensées de Pascal*.⁶ Старцу, что ли, носил?

Гриша. Да. старцу.

Иван Сергеевич. А он по-французски разве читает?

Гриша. Что вы! Университет кончил...

Иван Сергеевич. Ах, да, ученый. – я все забываю... Ну, что ж понравилось?

Гриша. Папа, зачем? Ведь вам неинтересно вовсе...

Иван Сергеевич. Нет, отчего же? Умный человек...

Гриша. А «с умным человеком и поговорить приятно», по Смердякову?⁷

Иван Сергеевич. Ну, вот, и Смердяков! Что же ты сердишься? Я ведь попросту... А. впрочем. Бог с тобой – не хочешь, не надо..

Гриша. Нет, папа, милый, я не сержусь, а только трудно мне с вами об этом... А насчет Паскаля, старец говорит:

⁶ «Мысли Паскаля». Паскаль Блез (1623–1662) – французский религиозный философ, писатель, математик, физик.

⁷ Слова героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

книга хорошая, но нельзя смешивать веру с вероятностью – «держат пари на Бога»...⁸

Иван Сергеевич. А ведь и правда, нельзя... Мавра, что ж самовар?

Голос Мавры (*из окна*). Кипит, батюшка. Сейчас несую.

Иван Сергеевич. Федя, Таня, Катя! Чай кипит! Экие, право – опять запропастились – не докличешься.

Голоса (*из дому*). Идем! Идем!

Иван Сергеевич. А вечер-то какой, воздух! (*Заглядывает через окно в комнату*). Катя, а, Катя, будет вам стукать, – опять до мигрени достукаетесь. Если бы я знал, что вы такая рьяная, ни за что бы не взял в секретари.

Голос Кати. Сейчас, Иван Сергеевич. Только страницу кончу.

На террасу выходят Федор и Татьяна Алексеевна; потом Катя.

⁸ Слова Ивана из романа Достоевского «Братья Карамазовы».

V

Те же и Федор, Татьяна Алексеевна и Катя. Садятся за стол. Мавра – с самоваром.

Иван Сергеевич. А где же караси, Мавра?

Мавра. Будут, батюшка, мигом поспеют.

Иван Сергеевич. Ну, смотри же, не ударь лицом в грязь! *(Мавра уходит).* Сам наловил. Федю угощаю. Он ведь нынче карасей наших капитанских еще не пробовал. Ах, хороши карасики! Ежели, после купания, вот как я сейчас, караси в сметане на сковородке, с лучком да с перцем, да водочки, – нектар и амброзия! Что ты, Федя, смеешься?

Федор. Вкусно вы, папа, живете!

Иван Сергеевич. Вкусно живу? Да, брат, не то, что вы, нынешние! А ты не мудри, брось метафизику и тоже вкусно заживешь... А мы о тебе сегодня все утро с Катей проспорили.

Федор. Обо мне?

Иван Сергеевич. Ну да, о статье твоей в «Психиатрическом вестнике», о «Философии самоубийства».

Федор. Ну, и что же?

Иван Сергеевич. Да что? Катя говорит: верно или почти верно. А я говорю: вздор. Да ты не обижайся, брат! Не дурак же я: понимаю, что умно, блестяще, талантливо, ну, и

этой самой премудрости вашей медицинской бездна, а все-таки вздор, вздор и вздор! Книжно, отвлеченно, нежизненно. Главного нет...

Федор. Что же главное? Ах, да, условия социально-экономические... Только я ведь это устранил нарочно.

Иван Сергеевич. Нарочно? Самоубийство вне условий социальных? Что ты говоришь, душа моя, подумай...

Федор. Тут мало думать, папа. Тут надо знать, и не только вашу статистику...

Иван Сергеевич. Вот именно – знать надо! Оставь-ка на минуту свою метафизику, «веревка вервие простое», – погляди, что у тебя под носом делается. Какая-то чума, эпидемия! Кажется, ни в одной стране, ни в одну эпоху не бывало такого...

Федор. Ну, так что же? При чем тут социальные условия? Или «от хорошей жизни не полетишь?» Устроятся люди лучше – и самоубийства прекратятся?

Иван Сергеевич. А ты что думаешь?

Федор. Я думаю: чем лучше люди устроятся, тем больше будет самоубийств. Начали только устраиваться – и самоубийства возрастают и будут возрастать в геометрической прогрессии.

Иван Сергеевич. А ты, голубчик, не пророчествуй. Говори толком, доказывай... И чего ты все усмехаешься? Ведь это дело серьезное.

Федор. Еще бы! А только статья-то моя не очень серьез-

ная. Не мог же я сказать всего в этом дурацком «Вестнике»: ученые ослы меня бы на смех подняли.

Иван Сергеевич. Ну, мы не ученые и не ослы, надеюсь? Говори же все, не бойся.

Федор. Увольте, папа. Не люблю я отвлеченных разговоров: до добра не доводят. Вон Гриша на меня уж волком смотрит, да и Катя тоже. Катя, вы на меня сердитесь?

Катя. Нет, а только Иван Сергеевич прав: надо об этом говорить серьезно или совсем не говорить. Тогда и печатать было незачем.

Федор. Пожалуй, незачем. Я, впрочем, надеялся, что кое-кто поймет и между строк – «безумной шалости под легким покрывалом»... Ведь вот вы же поняли?

Катя. Не все. Мне ваша главная мысль непонятна.

Федор. Неужели? А как просто! Главная мысль в том, что людям свойственно убивать себя не менее, а, может быть, и более, чем умирать так называемой естественной смертью. Звери умирают, люди убивают себя. Одна из всех живых тварей, человек сознает смерть и может убить себя и всегда убивает, хотя бы только частично – трудом, болезнью, пороком, святостью, безумием, – ну, словом, всем своим человечеством. И еще потому человек – самоубийца естественный, что тоже одна из всех тварей любит свободу больше, чем себя. А сделать смерть вольною, убить себя, как следует, значит победить страх смерти, начало всякого рабства, «оказать своеволие в высшем градусе», как верно определяет Кири-

лов у Достоевского.⁹

Иван Сергеевич. Федя, родной! Ты это серьезно?

Федор. Очень серьезно.

Иван Сергеевич. Да ведь Кирилов – больной, сумасшедший...

Федор. Сумасшедший? Нет, отчего же?... А впрочем, если не хотите Кирилова, то вот вам профессор Мечников,¹⁰ здравомыслящий в высшей степени.

Иван Сергеевич. Мечников! Вон куда хватил! Да ведь это совсем из другой оперы...

Федор. Нет, из той же. Желание смерти, по Мечникову, так же нормально, как желание сна: усталый хочет спать – старый хочет умереть. Только здоровая старость наступает в 150; 200 лет. Но ведь уже это вопрос биологии, а психически мера жизни от числа лет не зависит: Пушкины, Байроны в тридцать лет прожили больше, чем другие могли бы прожить в двести. Да и всякий, кто был хоть на минуту счастлив, действительно счастлив, кто хоть раз в жизни сказал: «остановись, мгновение!» – знает эту последнюю грусть в самом счастье, предел желаний – тихий зов смерти... или «вечности», как говорят поэты. Теперешние самоубийства – от страха, от горя, от слабости – словом, от недостатка чего-то – почти такие же рабские, как животная смерть. Но придет время,

⁹ Высказывание героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

¹⁰ Мечников Илья Ильич (1845–1916), выдающийся русский естествоиспытатель.

когда люди будут умирать вольною, действительно вольною смертью – от избытка, от роскоши, от силы, от радости. Вот как пена вина, когда полон стакан, через край переливается...

Татьяна. Ах, как красиво!

Федор. Красиво? Неужели «красиво»?

Татьяна. Ну, да. Чего же вы так испугались?

Федор. Виноват, Татьяна Алексеевна, но я боюсь «красивого»; как черт ладана: «красиво» значит не прекрасно и не без пошлости.

Иван Сергеевич. А ты не груби дамам и не отвиливай, говори прямо, к чему ведешь?

Федор. Кажется, ясно: что для каждого человека в отдельности, то и для всего человечества...

Иван Сергеевич. Стой, погоди! Что же именно? Когда все будут счастливы, то убьют себя? Конец человечества – самоубийство всеобщее, так, что ли?

Федор. А почему бы и не так? Надо же чем-нибудь кончить. И отчего хороший конец хуже «дурной бесконечности»?

Иван Сергеевич. Опять смеешься?

Федор. Нет; не смеюсь.

Иван Сергеевич. Ну, так спятил, ей Богу, голубушка, спятил; вместе со своим Кириловым!

Федор. Может быть. Но ведь тогда и вся буддийская Азия, сотни миллионов людей...

Иван Сергеевич. К черту Азию! Мы в Европе живем...

Федор. Ну, и в Европе – Шопенгауэр,¹¹ Толстой, современные теософы, средневековые мистики... Спросите-ка Гришу: он со своим старцем кое-что знает об этом... Гриша, а, Гриша, да что ты на меня так смотришь, право? Уж лучше сразу облегчи душу, изреки анафему. «Тихий бес», что ли?

Иван Сергеевич. Какой еще бес?

Федор. А это ему старец намедни сказал, что во мне «тихий бес». «Немой и глухой». Вот он и смотрит на меня, как будто хочет изгнать беса...

Гриша (*вставая и бледнея*). Я бесов не изгоняю.

Федор. А что же с ними делаешь?

Гриша. Ничего. В лицо им плюю...

Федор. О-го! Значит, и мне в лицо плюешь?

Гриша. Ты хуже делаешь: не в меня, а в мое святое плюешь... Как ты смеешь!.. И что вы его слушаете? Разве вы не видите, что он над вами смеется?..

Федор. Послушай, Гриша. Нельзя любить других больше, чем себя: если я над вами смеюсь, то и над собой...

Гриша. И над собой, и над собой! Надо всем! На все плюешь... Хулиган! Шут! Провокатор!

Иван Сергеевич. Гриша! Гриша! Что ты... разве можно так?..

Гриша. Папочка!.. если бы вы знали, папочка, какой все это ужас! Какой ужас! Господи! Господи! Господи!

¹¹ Артур Шопенгауэр (1788–1860), немецкий философ-идеалист.

Гриша убегает почти в истерике. За ним – Катя.

Татьяна (*вставая*). Это, наконец, невыносимо! Бог знает что такое...

Федор. Не волнуйтесь, Татьяна Алексеевна, Гриша болен.

Татьяна. А если болен, то лечиться надо. Есть же всему предел! И как вы позволяете, Иван Сергеевич?..

Татьяна тоже убегает. Мавра – со сковородкою; ставит ее на стол и уходит.

VI

Иван Сергеевич и Федор.

Иван Сергеевич. Да, брат, вот тебе и караси в сметане, вот тебе и «вкусно живем»! Видишь, Федя, все мы тут как на пороховом погребе...

Федор. Это я, папа. Спровоцировал его нечаянно. Закурил в пороховом погребе. Ну, да ничего, – обойдется. Ведь, мы с ним друзья... были, а, может быть, и будем. В нем тоже «тихий бес», только другого рода...

Иван Сергеевич. Да, болен он, в самом деле, болен. А тут еще со своим старцем измучился... Надо с ним осторожнее, Федя.

Федор. Не бойтесь, папа. Сегодня мне урок – не забуду.

Иван Сергеевич. Ну, пойду, посмотрю, что с ним.

Иван Сергеевич уходит. Федор идет в сад, садится на скамейку и, согнувшись, упершись локтями в колени, опускает голову на руки. Сумерки. Зарницы. Входит Катя.

VII

Федор. А, Катя, вы! А я и не слышал. Какая вы тихая! Ну, что, все еще сердитесь?

Катя. Нет. За что? Какое мне дело? (*После молчания*). Федор Иванович, разве вы не чувствуете, что есть вещи, о которых нельзя говорить?

Федор. «Мысль изреченная есть ложь»?¹²

Катя. Да, мысль изреченная есть ложь.

Федор. Это ваша заповедь?

Катя. Зачем вы все шутите?

Федор. Шучу? Нет, Катя. А если и шучу, то назло себе. Хочу плакать и смеюсь. Какой-то «демон иронии». В самом деле, «бес».

Катя. И то, что вы говорили давеча, и в статье, – не шутка?

Федор. Вы же знаете, Катя, вы все знаете!

Катя. Ну, тогда еще хуже. Нельзя говорить и не делать. А ведь вы не сделаете?

Федор. Не знаю, ничего не знаю. Заблудился в самом себе, запутался. Может быть, сейчас и не сделаю, а когда-нибудь...

Катя. Нет, никогда. Оттого и говорите. Если бы сделали, то молчали бы, стыдились... У вас нет стыда.

¹² Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium».

Федор. Верно, Катя, верно! Именно, стыда нет. Какая вы вещая! Все знаете... Что нет стыда, это и старец мне говорил намеренно. «Макаки, – говорит, – макаки... не люблю макак!»

Катя. Что это?

Федор. Обезьянка такая бесстыжая. Я сначала не понял. А это он обо мне, о таких, как я, нестыдящихся.

Катя. А вы и теперь не стыдитесь?

Федор. Да, и теперь, – только по-другому... А, может быть, я теперь слишком стыжусь?

Катя. Все равно. У вас нет меры стыда, нет меры ни в чем.

Федор. И это – «ах, как красиво»?

Катя. Да, не без пошлости.

Федор. Как же быть, Катя? Кальвин, что ли, учил, что есть люди погибшие: что бы ни делали, все равно не спасутся, потому что осуждены от века, прокляты. Вот и старец намеренно толковал притчу о плевелах: посеял человек пшеницу на поле своем, а ночью пришел враг и всеял плевелы. Враг – диавол, пшеница – сыны Божьи, а плевелы – сыны диавола – несуществующие души.¹³

Катя. И вы себя считаете плевелом?

Федор. Да, не пшеницею.

Катя. Кто это может знать? Тут что-то не так.

Федор. В притче не так?

Катя. Не в притче, а мы чего-то не знаем.

Федор. И старец не знает?

¹³ Евангелие от Матфея, XIII, 36–39.

Катя. И старец.

Федор. А вы, Катя, знаете?

Катя. Нет, я тоже не знаю. Но я знаю, что не знаю, а старец думает, что знает все.

Федор (*после молчания*). А можно, Катя, с вами так не стыдиться, как я сейчас?

Катя. Можно, – так можно.

Федор. Ну, так вот что. С детства, с самого раннего детства, как помню себя, у меня такое чувство, что все люди как люди, а я...»макака».

Катя. Это не от гордости?

Федор. Может быть, и от гордости... И вот еще что. У портных иногда зеркала углом поставлены, платье примерять, чтобы лучше видно было сбоку и сзади. Боюсь я этих зеркальных углов, ох, как боюсь! Спереди-то я ничего, даже недурен как будто, – «ах, как красиво!» А вот сбоку-то, сбоку, почти сзади – не узнаю себя, – в затылке, там, где скоро плешь начнется, да и в лице, особенно, в нижней челюсти, в углу носа и лба – что-то звериное, хищное, и смешное, и стыдное, стыдное... Сам себе чертом кажусь, своим собственным чертом...

Катя. А вы в черта верите?

Федор. Не знаю, право. В Бога-то вот не верю, а в черта, не знаю, может быть, и верю... Должно быть, это от бабушки да дедушки, купцов Вахрамеевых. Говорят, прадед наш

старовером был, федосеевцем.¹⁴ Ну, и от матери тоже: святая, смиренница, воды не замутит, а черта боялась; – так и умерла со страху. Вот и Гриша в нее... А знаете, Катя, я вам сейчас как на духу каюсь – вот, как старцу. И почему это вдруг?.. А кажется, что вы поймете, – не простите, нет, да и что прощать?.. А только поймете, но ведь и этого довольно.

Катя. Да, пойму. А простить вас, значит, и себя простить: когда вы о себе говорите, мне кажется, что и я в зеркальном углу, и тоже себе не очень-то нравлюсь. У каждого свой черт. А насчет проклятых от века, кто это подумал, тот был сам во власти черта.

Федор. Какая вы тихая, Катя, тихая, вещая, грозная – вот как эти зарницы на небе! Тишина, тишина, молчание, «Silentium».

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...

Катя, милая, отчего вы мне помочь не хотите?

Катя. Хочу, да не могу. Мы с вами в разных «колодцах» сидим, – рядом, но в разных. Помните, «Колодцы молчания»?

И сторожит Молчанья Демон

¹⁴ Религиозно-оппозиционное течение, основанное бывшим дьяконом Федосием Васильевым (1661–1711).

Колодцы черные свои...¹⁵

Федор. Ну, так перекликаться давайте, перестукиваться, вот как в одиночных камерах.

¹⁵ Цитата из стихотворения «Колодцы» (1913) З. Н. Гиппиус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.